

ФОСФОРИЧЕСКИЕ ГЛАЗА АНГЕЛА СМЕРТИ

РАССКАЗ О ШЕСТИ НЕ РАССТРЕЛЯННЫХ



ТИНА КАТАЕВА

Родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Нандидат в мастера спорта по стрельбе из пистолета. Работала пресс-атташе

в Московском товариществе «Дягилевъ ЦентрЪ», сценаристом и редактором ТВ-программы «Россия, вспомни о себе», PR-директором в агентстве «СМИ-регионы», зам. главного редактора в журналах «Точна отсчета»,

«В мире науки» и Light design, обозревателем в «Эхе планеты». Автор сценариев ряда документальных фильмов. Внучка писателя В.П. Катаева. Пишет рецензии и отзывы о современной русской прозе.

Каждый честный человек должен попасть в тюрьму.
Александр Солженицын

«Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж, мученики догмата, вы тоже – жертвы века». Это поэтическое пророчество Бориса Пастернака стало заключительным аккордом повести Валентина Катаева «Уже написан Вертер». В произведении, чудом напечатанном в 1980 году в журнале «Новый мир» (№ 6), описаны зверства Одесской ЧК. Допросы, расправы, «чернокожаные» комиссары с маузерами и наганами, лестницы, подвалы, расстрельный гараж, рокот мотора грузовика, заглушавший треск выстрелов... И еще: «Теперь их всех, конечно, уничтожат. <...> Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдет». Шок.

Негодовали представители власти, не дремали «сознательные граждане», строчившие доносы, молчали критики. В СССР повесть больше не издавалась. Но она подняла волну невероятного интереса к истории ЧК первых лет становления советской власти в Одессе, к малоизвестным страницам жизни Валентина Катаева и его друзей. Исследователи много лет занимались расшифровкой прототипов «Вертера», скрупулезно изучали произведения писателя, сопоставляли литературные пассажи с газетными статьями, программками поэтических вечеров и художественных выставок того времени, с воспоминаниями одесситов, с различными документами и так реконструировали события почти вековой давности.

Впечатляющим результатом историко-литературных исследований стали «Реальный комментарий к повести В. Катаева “Уже написан Вертер”» Сергея Лущика и самая полная книга о судьбе и творчестве писателя – «Катаев: Погоня за вечной весной» Сергея Шаргунова. Но материалы из архивов ЧК тогда были недоступны.

Что же удалось установить? Кратко. Как говорится, в сухом остатке.

«...Полная луна над призраком маяка»

Прототипом художника Димы, главного героя повести «Уже написан Вертер», был Виктор – друг детства Валентина Катаева, сын модного в начале прошлого века писателя Александра Федорова, который в 1916 году спас от смертной казни Григория Котовского. Того самого «благородного разбойника», который стал красным кавалеристом и в феврале 1920-го во главе конной группы вошел в Одессу. А уже летом Котовский отплатил добром своему спасителю и сумел вытащить сына писателя из застенков ЧК. Одесскому краеведу Сергею Лушику версию о заступничестве легендарного комбрига подтвердили ближайшие родственники Виктора Федорова – жена Надежда и сын Вадим.

В «Вертере» бывший левый эсер-боевик Серафим Лось (писатель Андрей Соболев) обращается к товарищу по царской каторге Маркину (прототип – предгубчека Макс Дейч), и тот выводит Диму из-под удара. Скорее всего, что за Федорова ходатайствовал не один человек.

Самого Валентина Катаева арестовали «в начале апреля, в один из тех прекрасных и теплых дней, когда море особенно синее, а молодые листья особенно зелены». Об этом – в автобиографической повести «Отец». И провел он в тюрьме полгода. Шесть месяцев, вырванных из жизни. Более 128 дней в ожидании гибели.

Одна из самых популярных версий ареста Катаева – связь с белогвардейским подпольем, готовившим мятеж. Но Сергей Шаргунов показал несостоятельность такой трактовки событий, поскольку речь шла о молодом человеке, недавно перенесшем тиф. «Вряд ли шаткий после болезни юноша, только что одолевший смерть, сразу же примкнул к подполью, притом что разоблачение означало верную гибель». И еще: «В “заговоре на маяке” (задача – вывести из строя прожектор, когда в гавань войдет врангелевский десант) был обвинен герой “Вертера”. За этот “заговор” среди прочих арестовали катаевского друга Виктора Федорова. Но аресты прошли в июне, а Катаева взяли ранней весной».

«Находясь как бы уже по ту сторону жизни»

За что схватили молодого поэта, ученика Ивана Бунина, бывшего офицера царской армии, кавалера двух Георгиевских крестов и ордена Св. Анны 4-й степени «За храбрость», получившего личное дворянство, по наследству не передающееся?

Какой-нибудь доброхот вполне мог сигнализировать и о белогвардейском прошлом Катаева (его мобилизовали сначала красные, потом белые). В 1926 году в автобиографии он написал, что гражданская война на Украине «замотала в доску, швыряя от белых к красным, из контрразведки в чрезвычайку».

«Если почитать в одесских “Известиях” списки расстрелянных, то сама принадлежность к офицерству (не только белому, но и дореволюционному) могла стоить жизни. Так что у ЧК были все основания его убить», – считает Шаргунов. Да и «классовая благонадежность» внука протоиерея, сына надворного советника, преподавателя Епархиального и Юнкерского училищ, была сомнительна.

Герой рассказа «Восемьдесят пять» Валентина Катаева «знал, что это могло быть доносом, ошибкой, наконец... шуткой». Кто знал? Двадцатитрехлетний писатель, во время Первой мировой получивший личное дворянство, или его ровесник-чекист, бывший агент царской охранки Зельцман, которому «был выдан дворянский паспорт на имя Николая Николаевича Боброва»?

И далее: «Он уже видел себя введенным в пустой гараж, где одна стена истыкана черной оспой, и совершенно точно осязал на затылке то место, куда ударит первая пуля. Отяжелевшая кровь налила дубовые ноги, и легкая громадная пустота звенела и реяла вверх. Его вывели из подвала во двор, в ночь, где ноги бессильно скользили по черной земле, напитанной нефтью. А сверху, в пролете двух многоэтажных океанских корпусов, в сладкой синеве висело созвездие».

В «тюремных хрониках» – автобиографической повести «Отец» и рассказе «Восемьдесят пять» двадцатых годов – навязчивая мелодия смерти, проблески надежды, томительное ожидание гибели, подвалы, двор, пуля... И все это более чем через полвека в повести «Уже написан Вертер» повторяется: «У него был несколько выдающийся затылок. Теперь этот затылок упирался в железную скобу. Затылок преступника. Неужели в этот затылок вбежит пуля?»

Вместе с Валентином задержали и его младшего брата, которому суждено было стать знаменитым писателем Евгением Петровым и с Ильей Ильфом создать романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». О своем пребывании в тюрьме Евгений, в отличие от старшего брата, никогда не упоминал. Молчали друзья и близкие. Или не знали?

«Наконец впереди открытая дверь и дневной свет свободы»

От расстрела Валентина Катаева (и Евгения) спас его друг, художник, журналист, литератор и сотрудник советских спецслужб Яков Бельский (Биленкин). На этом писатель настаивал всю свою жизнь. Но только ли Бельский? Под подозрение в заступничестве попали многие, в том числе Сергей Ингулов (Рейзер) – революционер-подпольщик, секретарь Одесского губкома КП(б), член коллегии Одесской ЧК, позже ставший популярным фельетонистом и главным редактором ряда газет и журналов. А также Петр Туманов, следователь Одесской ЧК, завсегда литературных вечеров. Он узнал Катаева, когда с комиссией посещал тюрьму. Мог ли как-то повлиять на рассмотрение дела Катаева Яков Блюмкин (Наум Бесстрашный в «Вертере»), которого Валентин прекрасно знал? Вряд ли, но...

Замолвить слово за своего хорошего знакомого мог и поэт Владимир Нарбут, возглавивший южное отделение Всеукраинского бюро Русского телеграфного агентства – ЮгРОСТА. Под его началом в разное время работали Исаак Бабель (Лютый), Сергей Бондарин, Юрий Олеша, Сандро Фазини, Марк Тарловский, Эдуард Багрицкий, Валентин и Евгений Катаевы, Виктор Федоров, Михаил Файнзильберг и Дмитрий Бронштейн.

Скорее всего, заступников было несколько. На этом можно было бы поставить точку в расследованиях, если бы Алена Яворская, литературовед, заместитель директора Одесского литературного музея по научной работе, не обнаружила в отраслевом архиве СБУ протоколы заседаний Одесской ЧК 1920 года. Удалось документально подтвердить, что оба брата Катаева сидели в тюрьме и вышли на свободу на излете осени – 30 октября. Виктор Федоров не был обвинен в участии в «заговоре на маяке» или причастности к какой-либо подпольной организации. В вину ему вменяли «контрреволюцию» без каких-либо подробностей. Постановили заключить в лагерь на три года, куда художник прибыл 15 сентября. Неужели сам Котовский не смог добиться полного освобождения своего подопечного? Или все было не совсем так, как отражено в протоколе ЧК?

Архивные документы преподнесли и другие, абсолютно невероятные сюрпризы. Какие? Об этом чуть позже.

«Злые духи рая отпугивали злых духов ада»

После Октябрьской революции власть в Одессе менялась беспрестанно. Вот лишь некоторые участники безумной свистопляски 1917–1920-х годов: прокадетская Городская дума, социалистический Румчерод, Советы, австро-германские оккупанты, войска Антанты, Центральная Рада, гетманщина Скоропадского, Директория УНР, Добровольческая армия генерала Деникина, Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). И в финале – РККА и Советы.

За какие-то неполные четыре года в Одессе и на ее окраинах действовали (зверствовали?) гайдамаки, петлюровцы, махновцы, анархисты, эсеры, красноармейцы, белогвардейцы, агенты английской, французской, польской разведок, партизаны, подпольщики-коммунисты во главе с Борисом Северным (Юзефовичем), контрразведчики-большевики, среди которых одной из самых ярких фигур был художник-плакатист Яков Бельский (Биленкин). Был даже подпольный военно-революционный повстанческий штаб во главе с Сергеем Ингуловым (Рейзером), готовивший захват власти в городе. Не дремали и криминальные элементы во главе с Мишкой Япончиком – легендой бандитской Одессы. Правда, и уголовники иногда «краснели» и оказывали разного рода услуги революционерам. Вот далеко не полный перечень действующих лиц зловещей трагедии на грани абсурда.

Все это время кровавая карусель крутилась безотказно: расправы, расстрелы без суда и следствия, похищения, пытки, погромы, насилие, мародерство, грабежи... И вопреки всему проблески мирной жизни – концерты, литературные вечера, художественные выставки.

«Ни в аду, ни в раю, ни в чистилище. Нигде»

В начале февраля 1920 года части Красной армии окончательно заняли Одессу. В городе в очередной и уже последний раз установилась советская власть. Но ситуация не стабилизировалась: преступность не исчезла, шайки уголовников бесчинствовали, действовали подпольные белогвардейские, петлюровские и врангелевские группы, шныряли агенты всевозможных контрразведок. Шпионаж, заговоры, попытки восстаний и... диктатура пролетариата, красный террор.

Навести порядок в городе предстояло Одесской губернской чрезвычайной-следственной комиссии (ОГЧК). Начались облавы и массовые аресты, хватили всех подряд: от мелких воришек и спекулянтов до рецидивистов, от бывших офицеров царской и Добровольческой армии до чекистов-коммунистов, злоупотреблявших властью. Да и просто «подозрительных» граждан не обходили вниманием.

Неразбериха, перестрелки, обыски, аресты, «экспроприация экспроприаторов», а по сути, узаконенный грабег всех и вся. Задержать, а порой и пристрелить на месте могли любого.

Багряные отблески зловещих событий тех лет легли на страницы протоколов ЧК.

В конце последнего месяца зимы состоялось первое заседание ОГЧК. Похоже, это была попытка хоть как-то разгрузить переполненные тюрьмы, где люди часто находились без предъявления какого-либо обвинения, не зная, за что их арестовали.

Согласно протоколу от 28 февраля 1920 года, который хранится в Галужевом архиве СБУ в Киеве, «присутствовали Северный, Горб, Кирилл, Левин, Юрко. Слушали:

1. О составе коллегии О.Г.Ч.К.
2. О порядке освобождения арестованных». Рассмотрение дел по существу (по существу ли?!) началось чуть позже.

В феврале работой ОГЧК руководил Борис Северный (Юзефович). Во время интервенции и белого террора он, как и многие его коллеги по чрезвычайке, находился на нелегальном положении и весьма успешно взаимодействовал с криминальными личностями, помогавшими уходить от преследований. Теперь настало время отдавать долги. Понятно, что такое положение дел не могло не сказаться на эффективности работы чрезвычайки.

Для усиления борьбы с преступностью и врагами советской власти в Одессу прибыл отряд опытных сотрудников спецслужб из разных украинских и русских городов: 79 человек во главе со Страхом – Станиславом Реденсом. В марте Реденс возглавил Одесскую ЧК, а его заместителем стал Макс Дейч (Маркин в «Уже написан Вертер»).

Чекисты свирепствовали. Аресты продолжались и продолжались. И не было им конца... Попали в беду братья Катаевы, Виктор Федоров, два художника из их компании и звезда одесского поэтического олимпа, автор «Креолки».

«...А в наши дни и воздух пахнет смертью»

В начале лета заседания ОГЧК продолжались. В июне решалась участь поэта, о тюремном прошлом которого никто не знал. Или почти никто. Позже он написал «Побоями нас нянчила страна». Эта строка и стала названием статьи Алены Яворской, которая, изучив архивные документы Одесской чрезвычайки, обнаружила дело Эдуарда Багрицкого.

На заседании ОГЧК 5 июня судьбы вершили Реденс, Дейч, Заковский и Уральцев. Согласно протоколу, рассматривались 56 дел. Всего 92 фигуранта, из которых 20 приговорены к смертной казни.

Логика приговоров непостижима: обвиненных в одних и тех же преступлениях могли расстрелять или освободить, заключить в лагерь или отпустить на все четыре стороны, исключить из партии, отстранить от должности или отправить на фронт кровью искупать свою вину. Обоснованность и справедливость вердиктов сомнительна. Никакой системы в разбирательствах не прослеживается. Судя по всему, документы, обличавшие подсудимых, находились в полном беспорядке. На всех пятнадцати страницах протокола полная неразбериха – винегрет из разнородных по составу преступления дел противников и классовых врагов советской власти, белогвардейских лазутчиков, контрреволюционеров, красных военкомов и партработников, совершивших преступления по должности, тюремщиков, помогавших бежать заключенным, взяточников, расхитителей казенного имущества, а также людей, задержанных для выяснения личности.

Впечатление, что безумный фокусник безразлично тасовал колоду человеческих судеб.

Первым слушалось дело № 1652 Ткачука Алексея Даниловича по обвинению в бандитизме. Потом – Крушинской-Замойской Марии Николаевны, подозревавшейся в службе в контрразведке. Третьим стал Копылов Павел Григорьевич, обвиненный в издевательствах над политическими. Следующим рассматривалось дело № 1960 братьев Николая и Михаила Бобковых по обвинению в контрреволюции. Все приговорены к расстрелу.

Далее разные меры наказания назначались бывшим офицерам, провокаторам, шпионам, взяточникам и спекулянтам. В середине заседания слушалось «дело 2344/235 Москалева Константина Мефодиевича 43 лет – служащего

завода Ропита по обвинению в хищении 3½ фунт. резины. Постановили: заключить в лагерь сроком на 6 месяцев». И сразу за этим №2213/206 «Дело Начморсвязи Беренцова и Военкома Гобой в незаконной выписке рапорта на требование 5 ведер ректификованного [так!] спирта». Дело прекратили. Арестованных не оказалось. Были ли подозреваемые отпущены ранее или расстреляны при задержании, не известно.

Пожалуй, одним из самых парадоксальных стало разбирательство по делу №1893 некоего Михаила Блюмштейна и сотрудника Центральной транспортной чрезвычайной комиссии Дмитрия Лисовского за подложный донос. «Постановили: Блюмштейна заключить в лагерь сроком на 2 года, сообщить Губпаркому [так!] на предмет исключения его из партии как кокаиниста, Лисовского направить в Губвоенком для отправки его на фронт».

По семи делам о контрреволюции задержали 12 человек. Семеро заключенных были приговорены к расстрелу, а дело №505, по которому проходили четыре человека, передано в Ревтрибунал. Вряд ли они уцелели. На свободу вышла лишь некая Петрова Евгения Петровна 22 лет (№ 2124).

Вот такая чехарда!

«Уходи и больше не попадайся»

По непонятным причинам на заседании ОГЧК 5 июня чекисты весьма лояльно отнеслись к одиннадцати обвиняемым в службе в контрразведке. Из них только один подлежал уничтожению. Трое отправлены в лагерь. Семеро освобождены, дела прекращены.

Среди счастливых, выпущенных на волю, был Эдуард Багрицкий. Его судьба решалась после слушания о (растрате) укрывательстве оружия (виновный отправлен в лагерь) и перед делом по обвинению в службе в карательном отряде при Добрармии (подозреваемый отпущен).

Дело Багрицкого в списке значилось семнадцатым. «Слушали: Дзюбина (Багрицкого) Эдуарда Годелевича и Цапенко Николая Ивановича по обвинению в службе в контрразведке. Постановили: Дзюбина и Цапенко освободить, дело о них прекратить. Дело кв. 12472». На полях запись красными чернилами: «См. агентуру Александрова в Крыму. V-VI-1920». Что означает эта таинственная приписка? К кому она относится – к Дзюбину (Багрицкому) или никому не известному Цапенко, чья дальнейшая судьба неизвестна? Эту загадку еще предстоит разгадать.

В застенках ЧК Багрицкий, вероятно, провел около месяца. Кто вызволил поэта из темницы? Возможно, тот же, кто и Валентина Катаева, – их друг Яков Бельский. В одесском литературном музее и семейном архиве хранятся фотографии, где вместе запечатлены Багрицкий, Катаев, Бельский. Мог ходатайствовать за своего хорошего знакомого и будущего подчиненного и Владимир Нарбут. Кто еще?

«Эдуарда Дзюбина выпустили из ЧК. А Эдуард Багрицкий словно бы там и не оказывался. Ни одного упоминания об аресте поэта в воспоминаниях современников нет. Не вспоминают об этом родные и друзья. <...> А между тем об этом знал как минимум один человек», – написала Алена Яворская. Кто знал?

О неустроенном, ободранном, вечно голодном, склонном к отчаянным авантюрам и «самым невероятным комбинациям» Багрицком ходило множество анекдотов. Как очередная байка воспринимался и пассаж в рассказе Валентина Катаева «Бездельник Эдуард» (1920): «Я мог бы рассказать о том, как он обольстил девицу, подающую обед в коммунальной столовой, чтобы получить лишнюю порцию каши, или о том, как он проник в контр-

революционное подполье, где в течение двух недель тянул таинственные деньги с пылкого, но слишком глупого капитана, вскоре, конечно, расстрелянного».

Как считает Яворская, это описание реальных событий и возможный намек на причину ареста. А если так, то что за загадочный капитан? Откуда он взялся, не из Крыма ли? Гипотетический врангелевский десант? Имеет ли все это какое-то отношение к агентуре какого-то Александра, упомянутого в протоколе ЧК? Во что же «вляпался» Багрицкий? Вопросы, вопросы и еще раз вопросы...

«Они были кучей валяющихся на полу сновидений,
еще не разобранных по порядку»

На заседании Малой коллегии ОГЧК 1 сентября дела, как и на предыдущих слушаниях, рассматривались вперемешку, в документах явно царил хаос. В этот день решалась судьба трех художников. Двое из них, Михаил Файнзильберг (брат Ильи Ильфа) и Дмитрий Бронштейн, сидели без предъявления обвинения, а вот третий – Виктор Федоров (Димка в повести «Уже написан Вертер») – знал, за что его арестовали.

Первым слушали дело шести человек. В чем они обвинялись, неизвестно, в документах никаких записей по этому поводу нет. Итак, № 1279/4456 «Дело гр.гр. Лившиц Мери Михайловны, Шевченко Карпа Григорьевича, Бронштейна Дмитрия Ильича, Троицкого Михаила Иреоновича, Файнзильберга Михаила Арнольдовича, Крыштафовича Владимира Антоновича.

Постановили: Освободить под подписку о невыезде из гор. Одессы, выдав на руки все конфискованные документы. Дело передать в разведку. Выдать также деньги и вещи, забранные при аресте».

Михаила Файнзильберга и Дмитрия Бронштейна должны были выпустить из тюрьмы 1 августа. Но что произошло на самом деле, неизвестно. Смущают даты в удостоверении Бронштейна, обнаруженном в фонде Радиотелеграфного агентства Украины. Согласно документу, художник «находился на службе в ЮгРАТАУ с июня по сентябрь 1920».

Возможно, решение ЧК об освобождении было оформлено уже после того, как художники были на свободе. В той неразберихе могло происходить все что угодно. Ну не оказалось же арестованных по делу № 2213/206, которое рассматривалось 5 июня. И это не единственный пример отсутствия обвиняемых.

О злключениях своих приятелей и коллег по работе в ЮгРОСТА знал Марк Тарловский. В стихотворных мемуарах об Эдуарде Багрицком «Веселый странник» (1935) он упоминает рано умершего Дмитрия Бронштейна:

*Кто эти люди? – Мертвый ныне, Митя,
Который так высок и узкогруд,
Что думаешь – ах, только не сломайте –
Здесь хаёт кистью всяческих паскуд.*

Тарловский не обошел вниманием и Михаила Файнзильберга, известного как МАФ, Мифа (а для друзей просто Миша рыжий):

*И третий брат здесь... непристойно-рыжий,
Двух первых в этом перещеголяв,
Он месит краски в маслянистой жиже
Среди неунывающих маляв.*

Паскуды, малявы... Теперь, когда стали доступны протоколы ОГЧК, присутствие в тексте тюремного жаргона многое объясняет. Равно как и упоминание чрезвычайки в связи с Валентином Катаевым, который, кстати сказать, свой арест не скрывал.

В «Веселом страннике» пять друзей (Э. Багрицкий, Л. Славин, И. Ильф, Ю. Олеша и В. Катаев) обсуждают сомнительного типа с тюком. Очередь доходит до «артиллериста-фронтовика»:

*Голубчика я взял бы за плечо
И наметнул на близость «чрезвычайки», –
Его бы там огрели горячо,
Он показал бы все им без утайки.*

Три бывших арестанта в «Веселом страннике» обнаружены. Но в поэме, посвященной Багрицкому, нет ни единого намека на тюремное заключение самого поэта. Катаев знал, а Тарловский нет? Или это был «заговор молчания»?

«...Падение с обморочной высоты погашенного маяка»

На сентябрьском заседании Малой коллегии ОГЧК Виктора Федорова и Сергея Хрусталева официально обвинили в контрреволюции. Такая формулировка часто встречается в протоколах ЧК, но она весьма обтекаемая и не содержит никакой конкретики. Хотя было известно, что Федоров и Хрусталева работали на прожекторной станции на мысе Большого Фонтана и имели отношение к «врангелевскому заговору на маяке».

Вся история весьма сомнительная, запутанная, будто бы искусственно созданная.

Сотрудники прожекторной станции помогали контрабандистам, о чем стало известно чекистам. Но почему-то сразу никого не задержали. Плюс к криминальным делишкам на станции затевалась встреча белого десанта из Крыма. Задача – отключить прожектор, когда в одесский залив войдут врангелевские суда. В это же время должно было начаться антибольшевистское восстание. Но никого десанта не было. 12–13 июня начались аресты. Взяли человек сто, и среди них – Хрусталева и Федорова. А примерно через полтора месяца их дела уже рассматривала Малая коллегия ОГЧК.

Согласно протоколу, 1 сентября «Слушали: дело гр. Федорова Виктора Александровича, 22 л. по обвинению в к. Революции. Сод. в Губтюрьме. Постановили: Заключить в лагерь Принуд. Работ на три года. Все отобранное конфисковать. Дело прекратить и сдать в архив. Отметка об исполнении: Росп. о прин. от 15/IX за №1476 за подписью тов. Беккера». Аналогичное решение было вынесено и в отношении Хрусталева Сергея Львовича. И та же отметка об исполнении.

Арестованы друзья по несчастью были с солидной группой врагов советской власти, готовивших переворот. Но участь Федорова и Хрусталева решалась на проходном заседании, где никаких других предполагаемых заговорщиков не было и в помине. Впечатление, что кто-то ловко выдернул их из общей арестантской колоды. Кто по просьбе, ходатайству или даже требованию Григория Котовского мог это сделать? Макс Дейч или кто-то другой?

«...Подозрение, мелькнувшее в фосфорических глазах Ангела Смерти»

В лагерь Виктор Федоров и Сергей Хрусталева поступили 15 сентября 1920-го и должны были отбывать наказание три года. Так следует из решения комиссии Губчека и отметки об исполнении приговора. Но вскоре Фе-

доров каким-то чудным образом был освобожден и стал работать в ЮгРОСТА под руководством Нарбута. В фондах Одесского историко-краеведческого музея хранится эскиз «Рабочий с факелом призывает угнетенных к свету» В. Федорова с датой «7/Х 20 г.» в правом углу. Более того, в середине октября Виктор Федоров бежал в Румынию.

Как удалось художнику освободиться из лагеря или туда вовсе не попасть? Скорее всего, произошло как в «Вертере». Решение выполнили только на бумаге, а на самом деле отпустили. Правда, в повести речь шла о приговоренном к расстрелу, но сути это не меняет.

«Кто-то взял его некогда за плечо и повел, но не в гараж, а в другую сторону, в то время как за его спиной через небольшие промежутки стучали винтовочные выстрелы, и он понял, что жизнь его спасена. <...> Незнакомый с темным лицом опустил вниз по множеству лестниц и подошел к Ангелу Смерти – светлоглазый с русым чубом, – который держал в руке список. Находясь как бы уже по ту сторону жизни, Дима тем не менее все видел и слышал, но только не мог понять смысла происходящего. – Хорошо. Выстрел пойдет в кирпичи, а юнкера мы покажем, как выведенного в расход. Но имей в виду... Даже в темноте Дима увидел подозрение, мелькнувшее в фосфорических глазах Ангела Смерти».

Кому на самом деле довелось заглянуть в глаза самого «Ангела Смети» – Михаила Вихмана, коменданта Губтюрьмы, следователя и палача ЧК, о жестокости которого ходили легенды? Федорову или Катаеву? Обоим?

«Просто революция уничтожала своих врагов»

Заседание ОГЧК 28 октября, проходившее под председательством Макса Дейча, разительно отличалось от предыдущих. Рассмотрение дела, очевидно, было хорошо подготовлено. Заголовок протокола говорит сам за себя – «Дело подпольной белогвардейской организации». Всего 193 человека. Больше половины – расстреляны.

Сообщение о раскрытии масштабного антисоветского заговора появилось в «Известиях» лишь 26 ноября 1920 года, спустя почти месяц после заседания коллегии ОГЧК. Газета писала: «Число участников этого дела достигает 194 чел. и представляет собой огромную контрреволюционную организацию, в которой сплелись белополяки, белогвардейцы и петлюровцы». Откуда появилась лишняя «человеческая единица», которой в протоколе нет? Опечатка? Или...

Многоликий Ангел Смерти распростер над жертвами и их палачами окропленные кровью крылья и замер в ожидании.

По делу, согласно протоколу, проходили 193 человека, 102 обвиненных были приговорены к высшей мере наказания, 9 отправлены в лагерь и 79 освобождены, среди них – братья Катаевы. Судьба трех несовершеннолетних кадетов (№ 19, 20 и 21) неизвестна, так как материалы были направлены на доследование.

Первым в протоколе значится руководитель белогвардейского заговора, целью которого было свержение советской власти: «Макаревич-Слюсаревский Сергей Павлович, он же Николай Сергеевич, 25 лет (быв. поручик). Слюсаренко-Макаревича как главу подпольной организации, служившего офицером в личном конвое ген. Драгомирова и намечавшегося начальником контрразведки, РАССТРЕЛЯТЬ, имущество конфисковать».

Второй в списке – Николаев Петр Константинович, 50 лет (фамилия Николаев в «Вертере» есть). Постановили: «Николаева П.К. как участника

Кубанских походов, непрерывно служившего в Добрармии и намечавшегося начальником агентуры будущей контрразведки, РАССТРЕЛЯТЬ, имущество конфисковать. Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30 окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12785 исп. т. Рознбергом кв. от хр. № 3998 № 71».

В отличие от сумбурных весенне-летних протоколов ЧК, тут нет абстрактных обвинений в контрреволюционной деятельности. Все предельно конкретно. Во всех случаях указана суть предъявленного обвинения, по крайней мере, четкость формулировок в расстрельных приговорах или записях о направлении обвиняемых в места лишения свободы. В тех же случаях, когда подозреваемых выпускали на волю, решение гласило: «Освободить как непричастных». Причем во второй половине списка оказалось существенно меньше осужденных, чем в первой. И еще одна особенность – среди арестованных много родственников, порой целые семьи.

«...Недалеко от гаража уже заводили мотор грузовика»

В рамках «Дела подпольной белогвардейской организации» приговорили к расстрелу трех братьев Зеленовых (№ 66 – Дмитрий Кузьмич, 20 л., № 72 – Иван Кузьмич, 17 л., № 73 – Петр Кузьмич, 27 л.), «являвшихся членами петлюровской организации, в чем каждый сознался». При этом как непричастный был отпущен Зеленов Василий Кузьмич, 23 л. В списке он 189-й.

Уничтожили супругов Губер: № 39 – Елену Алексеевну, 43 лет, «княгиню, предложившую свои услуги членам организации и принимавшую участие в работе таковой», и № 60 – Александра Богдановича, 65 лет, «как бывш. полковника, принимавшего у себя на дому представителей организации для переговоров».

Лишили жизни всех Венгржановских. В повести «Уже написан Вертер» упоминается полька, аристократка, красавица и участница заговора Венгржановская. «Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше “от моря до моря”, войску маршала Пилсудского. Старая мечта польской шляхты завладеть этим городом на Черном море». Имя не названо. Судя по возрасту, это Анна, ровесница Валентина Катаева. В списке двадцатитрехлетняя Анна Брониславовна шестнадцатая.

«Венгржановскую – резидента польского пункта, занимавшую шпионажем 2 года, снабжавшую всех деньгами, получаемыми из Варшавы – расстрелять, имущество конфисковать. Приказ т. Юрьеву исполнен в ночь на 30-е окт. 1920 г.».

Среди приговоренных мать, две сестры Анны и, возможно, ее дядя.

№ 46 – «Венгржановская Мария Викторовна, 59 л. Венгржановскую как хозяйку явочной квартиры – расстрелять, имущество конфисковать. Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30-е окт. 1920 г.».

Следующие в списке – Елена Брониславовна и Мария Брониславовна 18 и 26 лет. Вердикт: «Обоих как бывших в курсе дел и помогавших работе организации – расстрелять, имущество конфисковать. Приказ т. Юрьеву № 50 исп. в ночь на 30-е окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12124 и 12122 т. Волошином кв. от хр. № 101».

Пятидесятым в списке шел «родственник шпионки, бывший в курсе всех дел организации» Венгржановский Климентий Аркадьевич (он есть в «Вертере»). Приговорен к смерти. «Приказ т. Юрьеву № 50 исполнен в ночь на 30-е окт. 1920 г. Мандат на конфиск. № 12143 исп. т. Лебедем кв. от хр. № 3987 № 51 и 52».

«Как бывших офицеров, членов подпольной организации» к высшей мере наказания осудили 12 человек, начиная с № 84 Николаева-Николаенко Васи-

лия Васильевича, братьев Скулишевских (№85 и 87) и заканчивая №95 Кабановым Николаем Сергеевичем. Если до этого приговор выносился каждому обвиняемому отдельно, то теперь он стал общим для группы в несколько человек. Запись делалась поперек страницы со списком. Так же выносились и оправдательные вердикты.

«Теперь вокруг было одно чистое небо.
По такому небу могли бы летать ангелы»

Ближе к концу октябрьского протокола ОГЧК людей, избежавших смертной казни, становится больше. Причем как семьями сажали, так и отпускали. Удача улыбнулась юным брату и сестре Иваненко: №135 – Павел Гаврилович, 16 л., и №136 – Мария Гавриловна, 20 л., сестрам Еркович-Ерченко (№178 и 179) и семьям Апостоловых и Длуских. Уцелели супруги Тюрины (№163 и 164) и семья Стребуль: №168 – Вера Васильевна, 23 г., №169 – Анна Васильевна, 17 л., и №170 – Софья Юльяновна, 44 л. Приговор опять один на всех: «Как непричастных к делу организации ОСВОБОДИТЬ». И приписка: «Документы и вещи выдать по норме». И под этой размашистой резолюцией счастливые номера 165 и 171, которые достались братьям Катаевым.

№165 – «Катаев Валентин Петрович 23 л. Освобожд. по ордеру №239. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.» и №171 – «Катаев Евгений Петрович 17 л. Освобожд. по ордеру №245. Коменд. ОГЧК 30.X.20 г.».

Таким образом, протоколы заседаний ОГЧК подтвердили версию Сергея Шаргунова о непричастности Валентина и Евгения Катаевых к «заговору на маяке».

Какой же остросюжетный миф развенчан! А какой бы мог получиться шпионский детектив, даже триллер. Красный террор. Бывший прапорщик царской армии, сначала сражается на стороне белых, а затем участвует в антисоветском заговоре. Пароли, явки, погони, перестрелки... Секретные донесения, которые доверили бы доставлять семнадцатилетнему брату офицера. Непременно под покровом ночи. Он выходил бы в море, каждую секунду опасаясь, что луч маяка скользнет по его лодке, и... Но все это лишь фантазии, к реальности никакого отношения не имеющие.

«30 октября 1920 из здания ЧК на Маразлиевской улице вышли молодой человек, в прошлом офицер, и подросток-гимназист – братья Катаевы», – написала Алена Яворская. «Старший брат будет бравировать историей ареста, фактом отсидки – и в двадцатые, и в восьмидесятые годы. Младший об этом не будет ни вспоминать, ни упоминать – но в его биографии на долгие годы изменится дата рождения – с 1902 на 1903 (во время допросов он убавил год, надеясь избежать расстрела)».

Шесть арестантов ЧК – Эдуард Багрицкий, Виктор Федоров, Дмитрий Бронштейн, Михаил Файнзильберг, Валентин и Евгений Катаевы – уцелели, вышли на свободу и попали под крыло Владимира Нарбута, главы ЮгРОСТА.

Кто заставил Ангела Смерти отвести свои «фосфорические» очи от молодых художников и поэтов? Яков Бельский, Сергей Ингулов, Петр Туманов, Андрей Соболев, Владимир Нарбут или кто-то еще?*

* Время Большого террора. Ангел Смерти с отяжелевшими, напитанными кровью крыльями и с уже подслепшими, слабо фосфоресцирующими очами забрал жизни Якова Бельского (Биленкина), Бориса Северного (Юзефовича), Макса Дейча – расстреляны в 1937-м. В 1938-м ушли в мир иной Сергей Ингулов (Рейзер), Владимир Нарбут и многие другие. Станислава Реденса (Страха) арестовали в 1938-м, а в 1940-м расстреляли. Что же касается Михаила Вихмана по кличке Ангел Смерти, то, по легенде, его уничтожили свои же за садизм.

Такое впечатление, что вся Одесса за годы Гражданской войны превратилась в моток, точнее клубок тончайших нитей человеческих судеб. Красные командиры, бандиты, коммунисты-подпольщики, ставшие сотрудниками ЧК, художники, писатели, поэты, читавшие революционные стихи на вечерах, на которые заходили чекисты... Все так или иначе знали друг друга в лицо или через пресловутые «шесть рукопожатий». Впрямую ходатайствовать за арестантов товарищи «с холодной головой и горячим сердцем» не могли, но попросить по-дружески или просто невзначай замолвить слово – вполне. «Это не враг, его можно не расстреливать», – весьма подходящая фраза.

Позже один из шести бывших арестантов-югровостовцев написал:

Побоями нас нянчила страна.

И еще лучше:

Эти дни, пройденные навывлет, азбукою должно заучить.

Автор благодарит Алену Яворскую за предоставленные материалы.

Литература и источники

Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной. М., 2017. С 101–103.

Лушник С.З. Катаев В.П. Уже написан Вертер. Реальный комментарий к повести. Одесса, 1999.

Катаев В.П. Отец. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1983. С. 189.

Валентин Петрович Катаев // Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1926. С. 142.

Катаев В.П. Восемьдесят пять. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1983. С. 250–251.

Протоколы заседания малой коллегии Одесской губ. Чрезвычайной комиссии. Протокол от 1 сентября 1920. ГДА СБУ. Ф. 6, оп. 3, д. 285.

Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 28/II по 14/VI 1920. Протокол 28 февраля 1920. ГДА СБУ. Ф. 6, оп. 3, д. 282.

Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 13/VI по 3/XI 1920. Протокол от 5 июня 1920. ГДА СБУ. Ф. 6, оп. 3, д. 283.

Яворская А. «Побоями нас нянчила страна!» Один день Одесской Губчека и Эдуард Багрицкий // Дерибасовская-Ришельевская. Одесса, 2020. № 81. С. 214–231.

Общество независимых художников в Одессе: Библиографический справочник / сост. О.М. Барковская. Одесса, 2012. С. 111.

Тарловский М.А. Молчаливый полет. Серия: Серебряный век. Паралипомон. М., 2009.

Протоколы заседаний комиссии Одесской Губ. Чрезв. Следств. Комиссии с 13/VI по 3/XI 1920. Протокол от 28 октября. ГДА СБУ. Ф. 6, оп. 3, д. 283.

Бугреева А.С. «Настоящие мастера» (художники и поэты) Одесского ЮгРОСТА // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2012. Вип. 11. С. 72.

Яворская А.Л. Контрреволюция не спит. «Дело подпольной белогвардейской организации» и повесть В. Катаева «Уже написан Вертер». По материалам Отраслевого архива СБУ // Дерибасовская-Ришельевская. Одесса, 2020. № 82. С. 233–255.